

Этнокультурная эмансипация белорусов на стыке эпох и культур (вторая половина XIX – начало XX вв.)

А.Г. КОХАНОВСКИЙ

Проведен анализ социально-культурных изменений в белорусском обществе во второй половине XIX – начале XX в., на перекрестке влияний цивилизаций и культур. Акцент сделан на процессах распространения грамотности среди населения Беларуси, формирования интеллектуальной элиты, создания социальных предпосылок этнокультурной эмансипации белорусов в условиях, когда общество находилось на начальном этапе перехода от традиционности к современности. В статье показаны черты, которые выделяют реализацию указанных процессов на территории Беларуси.

Ключевые слова: этнокультурные процессы, Беларусь, белорусы, модернизация, грамотность, интеллигенция, социокультурные изменения.

The analysis of the sociocultural changes in the Belarusian society in the second half of the XIX – beginning of the XX century, when Belarus stood at the crossroads of the different civilizations and cultures is given. Special attention is paid to the processes of the widening of literacy among the Belarusians, formation of the intellectual elites and premises of the ethnocultural emancipation of the Belarusians in the conditions when the society had just taken first steps from the traditional culture towards modernity. The special features that distinguish the development of the mentioned processes on the territory of Belarus are emphasized.

Keywords: ethnocultural processes, Belarus, the Belarusians, modernization, literacy, intelligentsia, sociocultural changes.

История Беларуси – это опыт реализации культурных взаимовлияний на стыке цивилизаций, на перекрестке западного и восточных влияний. Любое макроисторическое изменение имело здесь свой специфический след. Нередко белорусские публицисты подчеркивали противоречивое воздействие этой особенности развития Беларуси. Эту черту назвал основной в истории белорусского народа поэт и публицист начала XX в. Игнат Канчевский, опубликовавший под псевдонимом Игнат Абдиралович философско-историческое эссе «Адвечным шляхам». По его мнению, данная черта стала определяющей в истории белорусской интеллигенции, формировании белорусского менталитета и самосознания [1, с. 45]. «Долгими веками белорусы стояли на роздорожье: один путь был направлен на Запад, другой на Восток; так наши дороги, начинаясь вместе, расходились в разные, противоположные стороны» [1, с. 48].

Социально-культурные изменения в белорусском обществе во второй половине XIX – начале XX в. происходили в условиях его перехода от традиционного уровня развития к современному, в рамках модернизационной перспективы. Следует отметить, что опыт развития модернизационных процессов в изучении истории Беларуси достаточно актуален [2], [3], [4], [5]. Эта тема недостаточно разрабатывалась как самостоятельная научная проблема и ее решение имеет ключевое значение для цельного осмысления тех изменений, которые происходили в Беларуси в XIX–XX вв. Отдельные вопросы изучения модернизационных процессов в Беларуси через парадигму формационного подхода нашли отражение в ряде монографий и научных статей [6]–[10], [11], [12], [13], [14], [15]. Но из поля зрения исследователей выпали ряд составляющих модернизации белорусского общества второй половины XIX – начала XX вв., в том числе изменения в менталитете населения, становление элементов гражданского общества, взаимосвязи этнокультурной и политической составляющих модернизационной перспективы и др.

Системная модернизация сопровождалась пробуждением этнокультурных процессов. Реформы сделали актуальным вопрос о природе национального. В период после них увеличились масштабы русификации, в том числе добровольной. Железнодорожное строительство, развитие промышленности и внутреннего рынка, усиление социальной и территориальной мобильности населения создавали основу для этнокультурной унификации и русифика-

ции, которые воспринимались правительственными кругами Российской империи как необходимый элемент модернизации. В этот период произошло формирование и распространение в Беларуси «западнорусизма» как идеологии и формы этнического самосознания части городского населения.

Эмансипация крестьянства, индустриализация и урбанизация содействовали формированию в городе и деревне среднего слоя, который выступал социальной базой пробуждения и расширения национальных движений. Эволюция крестьянства как сословного института на территории Беларуси определялась как консолидацией и унификацией в контексте общеимперской перспективы, так и региональными особенностями. Последние напрямую были связаны с традиционной культурой белорусского крестьянства, спецификой его мироощущения, функционированием норм традиционного права, сельского общества. Многонациональный и во многом отличный от окружающей сельской среды этнический состав городского населения усложнял социальные контакты между городом и деревней Беларуси. Правительственная политика этому содействовала.

Под влиянием споров об историческом пути и месте Беларуси, активизировавшихся между сторонниками «западнорусизма» и идеологами польского движения, формировалась белорусская национальная идея. Модернизация сопутствовала становлению современной белорусской нации, распространению этнического самосознания. На протяжении всего рассматриваемого периода сосуществовали два альтернативных пути самовыявления национально-культурного движения, белорусского этноса и интеллигенции: первый опирался на литвинско-шляхетские традиции, «краёвый» литвинский патриотизм, восходящий от государственно-политических идеалов Великого княжества Литовского. Но к концу XIX в. лидирующим в силу различных причин, в том числе процессов модернизации и унификации белорусских губерний, оказался второй путь, основанный на возрождении и популяризации белорусской традиционной культуры, создании современной нации посредством этнокультурной эмансипации крестьянства. Он был поддержан революционно-демократическим и социалистическим крылом белорусского национального движения. Главный итог их культурно-просветительской деятельности – формирование современного представления о белорусской нации, соответствующей ему национальной интеллигенции [2, с. 65–66].

Во второй половине XIX – начале XX в. на территории Беларуси происходят значительные изменения в образовательной сфере, связанные с расширением ее инфраструктуры, ростом количества обучающихся и их мотивации в овладении грамотой. В первые десятилетия после отмены крепостного права проявилось стремление получить образование, в первую очередь, дворянства, чиновников, духовенства, значительной части представителей городских сословий. Рост учебных учреждений на рубеже XIX–XX вв. был обусловлен увеличением заинтересованности населения, прежде всего сельских жителей, в возможности получить образование. Крестьянство Беларуси начало воспринимать полезность школы для своих детей. Иным в обществе становится восприятие понятия «грамотный человек»: от овладения элементарными навыками читать и писать до приобретения профессиональных знаний [2, с. 78]. В начале XX в. актуальность приобретает вопрос о введении всеобщего начального образования. В белорусских губерниях наблюдался достаточно значительный процент охвата детей школьного возраста различными формами образования наряду со сравнительно невысокими расходами государства на развитие системы образования. Одно из объяснений такого явления – наличие здесь более высокой заинтересованности у частных лиц, инвестирование ими, в том числе крестьянами, личных средств в обучение детей [2, с. 80–81]. На территории Беларуси выделялись временные и региональные особенности в распространении грамотности. В конце XIX в. наиболее значимыми успехами в этом направлении выделялись западные районы Беларуси, в начале XX в. высокими темпами выделялись Могилевская и Витебская губернии. Статистика распространения грамотности позволила проследить тенденцию: чем крупнее был населенный пункт, тем больше был удельный вес среди населения школьников и девочек среди учеников. Важное значение имела социально-культурная трансформация, связанная с секуляризацией образования, появлением автономной личности,

формированием гражданского общества и др. Появляются вера в прогресс, способности адаптироваться к изменениям, мобильность.

Для Российской империи характерной была государственная монополия на образовательную деятельность. Власть выполняла определяющую роль при формировании содержания школьного образования. Степень полноты государственной монополии на образовательную деятельность, уровень сословности тех или иных типов учебных заведений, появление частных учебных заведений были показателями эволюции государственной системы в целом [16, с. 41]. Согласно подсчетам Н.Н. Улащика, в 1897 г. в Беларуси удельный вес грамотных людей среди взрослых и детей с 10 лет составил 25,9 %, в том числе среди мужчин – 36,4, женщин – 15,2 [17, с. 109]. Наиболее высокий уровень грамотности был отмечен среди населения Виленской губернии – 33,9 %, в том числе и среди женской части жителей – 25,2 % [18, с. 34–45], [19, с. 32–35, 40–43, 48–51, 56–59, 62–67, 70–71], [20, с. 58–69], [21, с. 52–54, 57], [19, с. 52–55, 59]. На втором месте находилась Гродненская губерния – 33,1 %, причем здесь был самый высокий показатель грамотности среди мужчин – 46,5 %. По остальным белорусским губерниям удельный вес грамотных по своей величине существенно не отличался: в Витебской – 25,2 %; Минской – 23,8 %; Могилевской – 23,3 %. Среди городского населения белорусских губерний примерно одинаковым был уровень грамотности – от 55,5 % (Минская губерния) до 59,6 % (Гродненская губерния). Этот показатель значительно отличался в зависимости от этнической и конфессиональной группы. По данным переписи населения 1897 г. самым невысоким он был у белорусов. К примеру, в Минской губернии удельный вес грамотных белорусов среди молодых людей в возрасте с 10 до 19 лет составил 18,6 %, среди русских – 38,2 %, поляков – 50,4 %, евреев – 53 %. Среди православного населения Минской губернии уровень грамотности составил – 18,9 % у мужчин и 3,7 % у женщин; у католиков – 33,5 % мужчин и 23,4 % женщин; протестантов – соответственно 57,8 и 52,2 %; иудеев – 50,7 и 29,7 %; магометан – 38,3 и 25,8 %; старообрядцев – 13,9 и 1,5 % [23, с. 9–10].

Среди сословных групп населения Беларуси наибольшим удельным весом лиц, получивших образование, отличалось христианское духовенство. Уровень грамотности священников-мужчин по всем белорусским губерниям приближался к 100 %, несколько ниже он был среди женской части духовного сословия – от 85 до 95 %, но этот показатель был в среднем выше за остальные группы населения. Дворяне и чиновники по степени овладения грамотой занимали следующую позицию после духовенства. Наиболее высоким уровнем грамотности отличались представители высшего сословия Гродненской (91,5 %) и Витебской (79,2 %) губерний [23, с. 8]. Неожиданно низкое значение аналогичного показателя было зафиксировано среди дворян и чиновников Виленской (66,4 %) и Минской (63,9 %) губерний. Достаточно однородными, без значительной варриативности, цифрами был зафиксирован уровень грамотности почетных граждан, купцов и мещан. Средние значения их находились в пределах от 57,2 % (Гродненская губерния) до 47,8 % (Минская губерния).

Представители крестьянского сословия, которые проживали в городах, имели почти в два раза больший, чем в среднем по Беларуси, уровень грамотности. Наиболее высокий показатель был зафиксирован среди крестьян, которые проживали в городах Гродненской губернии (57,5 %). Значительной варриативностью отличались сведения о степени овладения письменностью крестьянками, особенно в сравнении между теми, кто жил в деревне и в городе. Здесь соотношение числа грамотных и неграмотных отличалось во много раз. Например, в Минской губернии удельный вес грамотных крестьянок, проживавших в городах, составлял 29,2 %, а в сельской местности – 3,8 %. Дистанция между обозначенными показателями почти восьмикратная. В Могилевской губернии подобное соотношение было близким к девятикратному, в Витебской и Гродненской – почти пятикратным и только в Виленской – двухкратным. У мужчин-крестьян такое сравнение было близким к двухкратному с небольшим разбросом данных по губерниям.

Носителем социально-культурных изменений в ходе развертывания процессов модернизации выступила интеллигенция Беларуси, история которой не получила до сегодняшнего дня своего предметного осмысления. В отличие от многих европейских государств, где соз-

дание единого социально-культурного пространства происходило путем завоевания третьим сословием своего собственного места в культуре верхних слоев общества, в управлении государством, в Беларуси этот процесс реализовывался часто через сознательную уступку шляхтой части своих прав в пользу буржуазии и включение элементов традиционной субкультуры в культуру элиты [24, с. 259]. Вхождение Беларуси в состав Российской империи замедлило этот процесс. Наличие здесь жестких сословных перегородок закрывало доступ непривилегированным группам населения к образованию и иным достижениям профессиональной культуры. В Беларуси, в отличие от центральных губерний Российской империи, в первые десятилетия XIX в. формирование интеллигенции шло не путем рекрутирования представителей третьего сословия в его ряды, а посредством привлечения части шляхты к социально-профессиональной группе лиц преимущественно интеллектуального труда [24, с. 259].

Одна из основных черт, которая поставила под сомнение непрерывность развития интеллигенции Беларуси – утрата физической и нередко духовной преемственности между разными поколениями этой группы. Причинами этого явления стали восстания, активизация национально-освободительного движения и репрессии в отношении их участников. Последними очень часто становились представители творческой элиты, студенческая и ученическая молодежь. Кто избегал ареста, вынуждены были эмигрировать в страны Западной Европы. Кроме того, неблагоприятные условия развития национальной культуры обусловили появление еще одной особенности развития интеллигенции Беларуси. Она во многом стала донором развития культур соседних народов, что привело фактически к потере значительной части собственной элиты, обеднения местной интеллектуальной жизни. К примеру, бывший член студенческого общества филоматов, действовавшего среди студентов Виленского университета в 1817–1823 гг., участник восстания 1830–1831 гг. Игнат Домейко (1802–1889) вынужден был эмигрировать во Францию, а затем по приглашению правительства выехал в Чили и внес значительный вклад в изучение геологии и минералогии этой страны. Правительство Чили провозгласило И. Домейко национальным героем [25, с. 9]. Другой филоматовец Осип Ковалевский (1800–1878), который был сослан за участие в студенческих тайных организациях в Казань, стал ректором местного университета и одним из основателей российского востоковедения. Главный труд его жизни – первое издание трехтомного «Монгольско-русско-французского словаря». Первой в мире женщиной-профессором стала Софья Ковалевская (1850–1891), которая происходила из белорусского шляхетского рода. Она работала профессором математики в университете Стокгольма [25, с. 9]. Уроженцы Беларуси Адам Мицкевич и Владислав Сырокомля стали классиками польской литературы. Донорская функция интеллигенции Беларуси – это во многом нереализованная возможность растущей социальной мобильности на родине, шанс повысить свой социальный статус на чужбине. Интеллигенция Беларуси характеризовалась многонациональностью своего состава, причем, в сравнении с многими другими народами Европы, титульная национальная интеллигенция составляла одну из групп и меньшинство среди местной интеллигенции.

Первая треть XIX в. отличалась преобладанием польских общественно-культурных влияний в Беларуси. Распространению польского влияния в значительной степени способствовала деятельность администрации Виленского учебного округа [9, с. 293–297]. Попытка императора Николая I в первые годы своего правления изменить ситуацию ощутимых результатов не дала. Творчество и взгляды представителей интеллигенции в первой половине XIX в. не всегда имели отчетливое национальное содержание. Прежде всего, это замечание относится к тем кружкам, деятельность которых заложила основу белорусского национально-культурного движения – Адама Киркора в Вильно, Винцента Дунина-Мартинкевича в Минске, Артема Вериги-Даревского в Витебске. Белорусская интеллигенция, которая группировалась вокруг них, по общественно-политическим взглядам придерживалась преимущественно либеральных позиций.

Среди демократической интеллигенции начала 60-х гг. XIX в. сформировалась относительно небольшая группа, для которой абсолютно понятным было, что Беларусь имеет все условия для самостоятельного развития. Лидером этой группы был один из руководителей

восстания 1863 г. на территории Беларуси и Литвы Константин Калиновский, который косвенно высказал идею о самостоятельности Белорусско–Литовской республики. Поколению Калиновского и его соратников не удалось реализовать свои идеалы и, более того, оно не имело своих непосредственных последователей [25, с. 12].

Время от восстания 1863 г. до революционных событий 1905–1907 гг. стало новым этапом формирования интеллигенции Беларуси. Ее дальнейшее развитие было связано с противоречивым, иногда взаимоисключающим воздействием двух факторов: модернизации и унификации. Модернизация сопутствовала становлению современной белорусской нации, распространению этнического самосознания, унификация – это и российская репрессивная политика, и впервые сформированная система мероприятий по русификации западных окраин империи, оформленная после подавления восстания 1863 г., которая значительно затруднила национальную культурно-просветительскую деятельность, создание политических сил и организаций [25, с. 13].

После подавления восстания 1830–1831 гг. и закрытия Виленского университета проявила себя тенденция постепенного перемещения центров формирования интеллигенции за границы Беларуси. Ими стали, прежде всего, высшие учебные заведения и общественно-культурные объединения Санкт-Петербурга и Москвы, а также стран Западной Европы. Более отчетливую роль это обстоятельство стало играть после восстания 1863 г. и только активизация национально-культурной жизни в начале XX в., издание газеты «Наша ніва» изменили эту ситуацию. Распространение и популяризация белорусского по своему сегодняшнему содержанию сознания связано с деятельностью местной народнической, а затем социалистической молодежи. Она не принимала прежнюю «литвинскую», «краевую» идеологию, связанную со шляхтой и прежними традициями политической жизни, а более ориентировалась на социальные низы, на крестьянство. Типичный пример в данном случае деятельность в Петербурге белорусской социально-революционной народнической группы «Гомон» и ее одноименный нелегальный журнал (1884 г.). Обостряется борьба между различными национальными группами интеллигенции за влияние над формированием гражданского сознания широких слоев населения.

В начале 90-х гг. XIX в. в Москве и Петербурге действовали организации белорусского студенчества под руководством Адама Гуриновича, Марьяна Абрамовича и др. Большое значение имела общественная и литературная деятельность Каруся Каганца, Ольгерда Абуховича и др., работа Бронислава Эпимах-Шыпылы по развитию краеведения и сбору древностей и т. д. Были созданы Кружок молодежи польско-литовской, белорусской и малорусской, Круг белорусского народного просвещения и культуры, сделаны попытки выпуска нелегальной газеты «Свобода», создания Революционной партии Белой Руси. В 1902–1903 гг. на основе кружков Вацлава Ивановского, братьев Антона и Ивана Луцкевичей происходит политическая самоорганизация белорусского национально-освободительного движения. Была создана Белорусская революционная громада, которая несколько позднее стала называться Белорусской социалистической громадой.

Глубокие качественные изменения в формировании интеллигенции и эволюции этнокультурной жизни произошли во время и после революционных событий 1905–1907 гг. Процессы этнического самосознания широко затронули различные слои населения, прошли через отдельные семьи, разделив их на разные национальности, в том числе нередко представителей интеллектуальной элиты. В ее среде обостряются поиски собственной идентификации, отчетливо очерченными становятся различные этнические группы интеллигенции. Центром притяжения белорусской интеллигенции стала редакция газеты «Наша ніва», издававшаяся в Вильно в 1906–1915 гг. Именно в этот период происходит формирование белорусской национальной интеллигенции как социальной группы в современном представлении. В ее среде происходит унификация, постепенное стирание различий между православной и католической группами интеллигенции, которое было ощутимым на протяжении XIX в. и поддерживалось правительственной политикой [26, с. 3–10]. «Нашай ніве» удалось объединить «пропольское» и «пророссийское» течения белорусского движения. Это произошло на основе социалистической идеологии. Издатели газеты отчетливо дистанцировались от местной

дворянской, шляхетской интеллектуальной элиты, рассчитывали на формирование новой интеллигенции из числа выходцев из крестьян, что несколько видоизменило и усложнило процессы этнической консолидации белорусов.

«Наша ніва» выступила в качестве организационного и духовного центра многочисленных белорусских национальных культурно-просветительских обществ [27, с. 140–144]. С распространением легальных периодических изданий («Беларус», «Лучынка» и др.), профессиональных и музыкально-драматических кружков, издательских товариществ и т. д., появившихся после 1906 г., появились новые формы интеллектуальной жизни.

Социально-культурные изменения, которые происходили в белорусском обществе во второй половине XIX – начале XX в., преобрели системный характер. Они определялись правительством Российской империи в рамках общеимперской перспективы. Данный процесс, получивший ускорение после восстания 1863 г., был оформлен законодательно, однако до конца не был завершен. Это частично было связано с оппозицией на уровне общественного сознания местных элит, а нередко и отдельных категорий городского и даже сельского населения. Режим ограничительных законов, в особенности в отношении католиков и евреев, имел не только этноконфессиональный контекст, направленный на укрепление русского влияния в белорусских и литовских губерниях, но также предусматривал разрушение традиционной системы социальных и экономических связей, которая проявила способность модифицироваться, адаптироваться к новым условиям существования. На территории белорусских губерний государство выполняло более ощутимую сравнительно с другими регионами империи сдерживающую роль в реализации модернизационной перспективы. Причина такого положения – необходимость проведения национально-культурной унификации западных губерний, борьба с польским, еврейским влиянием и другими вызовами российской имперской идентичности. В таком случае государство искусственно сдерживало общество в переходном состоянии.

Литература

1. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам. (Даследзіны беларускага сьветагляду) / І. Абдзіраловіч // Вобраз – 90: Літаратурна-крытычныя артыкулы ; уклад. С. Дубавец. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1990. – С. 43–85.
2. Каханоўскі, А.Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / А.Г. Каханоўскі ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск : БДУ, 2013. – 335 с.
3. Носевич, В.Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе / В.Л. Носевич. – Минск : Тэхналогія, 2004. – 350 с.
4. Терешкович, П.В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: в контексте Центрально-Восточной Европы / П.В. Терешкович. – Минск : Беларус. гос. ун-т, 2004. – 223 с.
5. Токць, С. Беларуская вёска ў эпоху зьменаў: другая палова XIX – першая траціна XX ст. / С. Токць. – Мінск : Тэхналогія, 2007. – 308 с.
6. Бич, М.О. Рабочее движение в Белоруссии в 1861–1904 гг. / М.О. Бич. – Минск : Наука и техника, 1983. – 280 с.
7. Біч, М.В. Нацыянальны склад прамысловага пралетарыяту Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. / М.В. Біч // Вес. Акад. навук БССР. Сер. грамад. навук. – 1972. – № 4. – С. 32–40.
8. Болбас, М.Ф. Промышленность Белоруссии, 1860–1900 / М.Ф. Болбас. – Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1978. – 312 с.
9. Довнар-Запольский, М.В. История Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – Минск : Беларусь, 2003. – 680 с.
10. Довнар-Запольский, М.В. Народное хозяйство Белоруссии, 1861–1914 гг. / М.В. Довнар-Запольский. – Минск : Изд. Госплана БССР, 1926. – 239 с.
11. Панютин, В.П. Из истории формирования пролетариата Белоруссии, 1861–1914 гг. / В.П. Панютин ; Акад. наук БССР, Ин-т истории. – Минск : Наука и техника, 1969. – 190 с.
12. Панютин, В.П. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861–1900 гг. / В.П. Панютин ; Акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; науч. ред. П.Г. Козловский. – Минск : Навука і тэхніка, 1990. – 375 с.
13. Самбук, С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. / С.М. Самбук ; ред. В.П. Панютин ; Акад. наук БССР, Ин-т истории. – Минск : Наука и техника, 1980. – 224 с.

14. Шабуня, К.И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905–1907 гг. / К.И. Шабуня ; под ред. Т.С. Горбунова. – Минск : Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1962. – 435 с.
15. Шыбека, З.В. Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX ст.) / З.В. Шыбека ; Нац. навук.-асвет. цэнтр імя Ф. Скарыны пры М-ве адукацыі Рэсп. Беларусь. – Мінск : Цэнтр еўрап. супрацоўніцтва «ЭўроФорум», 1997. – 292 с.
16. Раскин, Д.И. Система институтов российской императорской государственности кон. XVIII – нач. XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Д.И. Раскин. – СПб., 2006. – 54 л.
17. Улащик, Н.Н. Грамотность в дореволюционной Белоруссии / Н.Н. Улащик // История СССР. – 1968. – № 1. – С. 106–116.
18. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1903. – [Вып.] 4 : Виленская губерния. Тетрадь 3 (последняя). – XI, 179 с.
19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1903. – [Вып.] 5 : Витебская губерния. Тетрадь 3. – XIV, 281 с.
20. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1903. – [Вып.] 11 : Гродненская губерния. – XV, 319 с.
21. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1904. – [Вып.] 22 : Минская губерния. – XVI, 243 с.
22. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1903. – [Вып.] 23 : Могилевская губерния. – XV, 275 с.
23. Каханоўскі, А.Г. Узровень пісьменнасці жыхароў Беларусі на мяжы XIX–XX ст. / А.Г. Каханоўскі // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2006. – № 1. – С. 7–11.
24. Куль-Сяльверстава, С.Я. Беларусь на мяжы стагоддзяў і культур: Фармаванне культуры Новага часу на беларускіх землях (другая палова XVIII ст. – 1820-я гады) / С.Я. Куль-Сяльверстава. – Мінск : БДУ, 2000. – 260 с.
25. Кохановский, А.Г. Белорусская интеллигенция: самоопределение и этапы становления в XIX – начале XX в. / А.Г. Кохановский // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. ; Беларус. дзярж. ун-т. – 2007. – Вып. 2. – С. 3–20.
26. Падгайская, Л.І. Роля паўстанняў 1794, 1830–1831 і 1863–864 гг. у фарміраванні ўяўленняў пра беларуска-ліцвінскую шляхту / Л.І. Падгайская // Беларус. гіст. часоп. – 2003. – № 7. – С. 3–10.
27. Унучак, А.У. «Наша ніва» і беларускі нацыянальны рух (1906–1915 гг.) / А.У. Унучак ; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 186 с.